

ТЫ МЕНЯ ВЫДУМАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я Н О С Т О В

18+

Ян Остов

Ты меня выдумал

«Автор»

2026

Остов Я.

Ты меня выдумал / Я. Остов — «Автор», 2026

Человечество давно покинуло Землю. После Великого Исхода последние выжившие отправились сквозь космос на гигантском Ковчеге "Шэньчжоу". Спустя века на его борту возникла Империя Синьей - могущественное государство, ставшее новым домом для человеческой цивилизации. Мин Чжао, глава Тайной Канцелярии, привык раскрывать заговоры, мятежи и убийства. Но новое расследование приводит его к человеку, которого не должно существовать. Чем глубже Мин Чжао погружается в поиски, тем сильнее рушится привычная картина мира. Старые архивы исчезают. Свидетели говорят невозможные вещи. А за политическими интригами начинает скрываться тайна, уходящая к самому началу истории человечества среди звёзд. «Ты меня выдумал» - философский роман о памяти и забвении, о цене бессмертия и праве на конец пути. История о людях, которые пытаются сохранить мир, уже не понимая, что именно они спасают. И об одиночестве, которое может оказаться сильнее самой смерти.

© Остов Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интермедия 1	5
Глава 1. ШЕСТВИЕ	9
Интермедия 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ян Остов

Ты меня выдумал

Интермедия 1

401 год Эры Исхода

— Послушайте, господа лицеисты, — лениво проговорил профессор Корсарин. — Послушайте и попробуйте почувствовать. Трагедия всегда маскируется под триумф, и величайшая скорбь — под торжество.

Он шел вдоль амфитеатра — вальяжно, чуть сутулясь, заложив руки за спину. Большой и толстый, как медведь, он широко шагал, разрезая воздух, его льняной танчжуан пах сандалом и табаком.

Профессор остановился в самом центре сцены и легким движением пальцев распахнул над кафедрой голографическую проекцию.

Призрачное сизое сияние соткало в воздухе удивительный пейзаж: жёлтый песок, белая пена волн и бесконечная водная гладь, вдалеке подернутая туманом. Земля. Эра до Исхода.

Шестьдесят лицеистов широко разинули рты. Они с завистью смотрели на мужчин и женщин, плескавшихся в голографическом море. Они видели эти изображения сотни раз, но сами никогда не окунались в солёную воду, никогда не ныряли, не покоряли волн. Дети Синьей никогда не видели настоящего моря.

— Тема нашей сегодняшней встречи, — Корсарин выделил слово «встречи», словно это был не обязательный урок, а тайный заговор, — звучит парадоксально: «Утопия, ставшая черновиком». Мы поговорим о тех, кто подарил нам это вечное скольжение сквозь космическую пустоту. Мы поговорим о великом и трагическом государстве Минсин¹.

Он сделал театральную паузу, мягко прищурившись и глядя на лица подростков сквозь синеватый свет проектора.

— Вы, разумеется, с ранних лет зазубрили, что наша технократическая Империя Синьей возникла на пепелище. Но Империя не рождается из ничего. Задолго до того, как наши отцы-основатели заложили первый шпангоут великого Шэньчжоу, там, на Земле, существовало государство, носившее это удивительное, поэтичное имя — Минсин. «Ясный Разум». И наши предки, поверьте мне, люди далеко не сентиментальные, а жесткие, прагматичные мыслители. Они смотрели на Минсин с замиранием сердца. Они видели в его уникальной, кристально чистой системе не просто политический режим, а само будущее человечества. Они верили, что нашли формулу идеального баланса, способную спасти цивилизацию от увядания.

Профессор взмахнул рукой, и картинка сменилась: лица, старинные портреты, красные печати на древних документах.

— Что это были за люди? Исторические личности, которые двигали тектонические плиты эпохи до Исхода. Они не были святыми, о нет! Это были безумцы, влюбленные в порядок, мечтатели с холодными умами. Они пытались построить мост над бездной. И сегодня, когда мы с вами идем по четыреста первому году нашего шествия, мы должны понять: почему этот мост рухнул? И почему всё то, что мы имеем сегодня в Синьей — наши законы, наш Синклит, сама наша жизнь в неизвестности — это лишь попытка переписать на белом тот прекрасный, трагический черновик, который назывался Минсин? Попробуем разобраться.

Студенты сидели за тяжелыми металлическими партами, но никто не смотрел в окна, за которыми плавно садилось искусственное солнце. Ни у кого из подростков за ушами не мерцали привычным, сизым огоньком нейро-узлы. Профессор Корсарин с самого порога, резким и не терпящим возражений жестом, потребовал полностью отключить «Лотосы». Он властвовал

над залом той гипнотической, чуть вальжной харизмой великих лекторов, которая заставляет ловить каждое дыхание.

— Факты — это дешевка! Факты — это сухой, безжизненный скелет. Моя задача — вернуть этому скелету горячую плоть, заставить его истекать кровью прямо на ваших глазах. Сегодня мы говорим о так называемом Празднике Очищения. О дне, когда больше тысячи лет назад Империя Минсин едва не захлебнулась в собственной, вязкой и зловонной гордыне.

Он резко повернулся на каблуках, стремительно приблизился к кафедре и коротко постукал кончиком указки по сенсорной панели голо-проектора. Картинка сменилась хронологической шкалой.

— Зафиксируйте дату, которую вы обязаны помнить, даже если вас посреди ночи оглушит сирена аварийной тревоги: 2250 год Эры до Исхода². День двухсотлетия той самой древней Империи Минсин. Великий юбилей, который должен был стать абсолютным триумфом Вольфрамового Трона, а обернулся едва ли не смертельной раной на теле государства.

Профессор заложил руки за спину и устремил взгляд в потолок, словно читал невидимый текст.

— Посмотрите на эту пугающую симметрию, которую наш далекий предок, Император Лун Вэй Мин, оставил миру. Каждая из его дочерей была гранью идеального кристалла. Старшая, Юэ Цзя, «Луна в Доспехе». Воплощенный, выжженный внутри долг, воинский гений, чье сердце с младенчества было заковано в безупречную сталь отцовского воспитания. Третья дочь — Су Хэ, «Чистая Река», королева экологии, безраздельно державшая в руках остров-завод «Ляньхуа-Бай» и управлявшая отходами целой планеты. Четвертая — Фэй Янь, «Летящая Ласточка», командующая воздушным флотом, лицо магнитодинамической авиации, женщина, которая буквально подчинила себе небо! Три сестры строили и защищали этот мир. Но была вторая дочь Наша сегодняшняя главная героиня. Юй Линь. ###. Вдумайтесь, господа, в этот паразитный оксюморон! «Юй» — это благородный императорский нефрит, священный символ пяти конфуцианских добродетелей. Это камень, который может только расколоться, но никогда, ни при каких обстоятельствах не гнется. А «Линь»? О, присмотритесь к этому иероглифу. Он держит в себе ключ «лед». Линь — это пронизывающая, леденящая стужа, безжалостная и суровая. Ее имя буквально означает «Ледяной Нефрит».

Корсарин замер в самом центре класса, его глаза в полумраке мягко и страстно блеснули.

— И вот эту невероятную женщину имперская воля назначает полновластной хозяйкой «Желтой Бездны» — жуткой тюрьмы, куда Минсин веками сбрасывала человеческий шлак всех мастей. И именно здесь, господа лицеисты, начинается подлинная, не отретушированная цензурой история. Забудьте казенные сказки о «мелком заговоре каторжников», которыми вас кормили в младших классах! Юй Линь была единственной реальной угрозой Империи за все века ее благополучного существования! Поймите истинный масштаб этой фигуры! Она была единственным человеком во всем мире, который мог смотреть прямо в глаза суровой, деспотичной Алой Императрице Юэ Цзя, и не склонять головы. Юй Линь — это титан уровня самой Юэ Цзя, абсолютно равная ей по сокрушительной силе воли, по изощренному интеллекту, по той страшной, породистой крови, что отличала великую династию Лун. Если бы ее заговор в 2250 году удался, мир внутри Минсин и, следовательно, в нашем современном Синьюй, изменился бы навсегда. Стужа Бездны просто уничтожила бы сталь Кодекса.

Профессор медленно подошел к столу, бережно, почти благоговейно взял в руки старую, пожелтевшую от времени бумажную книгу и открыл заранее заложенную страницу.

— За час до того, как первые штурмовые отряды Желтой Бездны хлынули на залитую светом праздничную площадь, Юй Линь вышла к своим людям в сыром подводном каземате. Послушайте эту безупречную, страшную поэзию бунта. Послушайте, как женщина сознательно подписывает себе смертный приговор, до предела расширяя границы человеческой воли.

«Если наш план провалится, мы все рискуем головами! Но я покажу вам пример, я пойду первая! Я никогда не склоню головы перед тиранией сестры! Нефрит никогда не гнётся! Я предпочитаю быть расколотой, чем пребывать в тени Юэ Цзя и жить под ее гнетом! Пусть эта вольфрамовая клетка, которую наш отец назвал Империей, разлетится на осколки. Пусть обжигающая стужа Бездны поднимется со дна и сокрушит хребет Алой Императрицы! Мы — те, кого замуровали заживо, но сегодня мы станем лавиной. Освободим Минсин!»

В классе повисла тишина. Корсарин медленно, с каким-то особым, сектанским трепетом закрыл пожелтевшую книгу.

— Каков слог, а? — профессор окинул ряды лицеистов долгим, торжествующим взглядом. — Какая безумная амплитуда! Но теперь, господа мыслители, давайте на минуту отложим в сторону поэтический восторг и включим холодный меритократический анализ. Давайте посмотрим, как эта великая заговорщица, сама того не ведая, шаг за шагом, строчка за строчкой напроорочествовала каждую секунду своего грядущего кошмара. Это то, что в большой литературе и в большой истории называют «безупречной рифмой судьбы».

Он остановился перед первыми рядами и начал медленно загибать длинные пальцы, чеканя каждое слово:

— Первое. Вглядитесь в текст. Она кричит: «Я никогда не склоню головы перед тиранией сестры!» И что же делает Юэ Цзя? Когда заговор с треском рушится прямо посреди площади Очищения, в самый разгар двухсотлетия Империи, Алая Императрица поднимает тяжелое церемониальное копьё своего отца. И она не дает Юй Линь ни единого шанса склонить голову. Зачем склонять то, что можно просто отсечь? Одним молниеносным режущим ударом вольфрамового лезвия голова Юй Линь слетает с плеч. Физически. Буквально. Метафора замкнулась. Гордая голова не склонилась, она покатила по серым каменным плитам площади под ноги гвардейцам.

Второе. «Нефрит никогда не гнется! Я предпочитаю быть расколотой!» И ее статус, ее воля, ее права великой принцессы крови действительно раскалываются вдребезги. На глазах у всей онемевшей Империи, посреди священного юбилея, незабываемый образ идеальной семьи Лун дает кровавую трещину. Копьё отца раскалывает «Ледяной Нефрит» ее имени, превращая монолит в горсть острых осколков.

Корсарин медленно подошел к широкому окну и вгляделся в алый закат, имитируемый титаническим экраном над всей столицей.

— И, наконец, третье. Самое жуткое, господа мои. «Пусть обжигающая стужа Бездны поднимется со дна» Она иступленно призывала холод, она сама была этим холодом — Юй Линь, лед, сковавший суровый закон Желтой Бездны. Но когда копьё перерубает ей горло, происходит страшный физиологический и сакральный катарсис. Горячая, обжигающая, истинно императорская кровь Юй Линь Кровь живой, страстной женщины, которая так отчаянно хотела свободы и величия, — хлынула колоссальным, безудержным потоком на серый гранит площади. И эта теплая, живая кровь в одно мгновение расплавила всю ледяную стужу ее заговора. Стужа Бездны захлебнулась в алом тепле ее собственного поражения. Очищение состоялось, но это было очищение кровью. Столкновение двух абсолютно равных титанов, где один целиком и без остатка поглотил другого.

Профессор резко повернулся к классу. Его лицо теперь было пугающе серьезным, полностью лишенным прежней вальяжной иронии.

— Вот почему этот день в наших учебниках называется днем Очищения. Не потому, что прагматичная Империя Минсин избавилась от горстки опасных предателей. А потому, что в этот страшный день мир окончательно осознал: закон меритократии — это закон карающей, равнодушной стали. Перед копьём Кодекса все нефриты — и рабские, и императорские, раскалываются абсолютно одинаково.

Он подошел к кафедре, и над ней снова ровно и плавно развернулась голографическая проекция, объединяя три сияющих символа.

— Это фундамент, это несущая ось всей нашей нынешней цивилизации. Император, Ковчег Шэньчжоу, народ Синьюй. Это три неразрывные части одного колоссального целого. И ни одна из этих граней, ни одна человеческая воля не имеет права возвышаться над остальными, ломая ровное, математически выверенное шествие нашей Великой Империи по бесконечному космическому полотну.

Вдруг, индикатор времени в углу сенсорной доски тихо пискнул.

— Урок окончен, господа! — Корсарин устало, но как-то очень мягко улыбнулся. — Включите свои «Лотосы» и посмотрите на домашнее задание.

По классу прошел едва слышный шелест: лицеисты потянулись к заушным модулям, и пространство вокруг их лиц на секунду озарилось знакомым, призрачно-сизым мерцанием.

— Мне нужно от вас полноценное, глубокое и, я очень на это надеюсь, живое эссе

---

1. Минсин (##) - "Ясный Разум"
2. 2250 год от Р.Х.

Глава 1. ШЕСТВИЕ

422 год Эры Исхода.

Зал Высокого Свода кипел непрекращающимся гулом. Синклитики спорили уже шестой час подряд. В зале, несмотря на многочисленные освежители в пазах титановых стен, отчетливо витал тошнотворный, чисто стариковский запах залежалого пота, мыла и дорогого парфюмерного масла. Застегнутый на все пуговицы, сухой, престарелый советник вещал что-то с высокой центральной трибуны, надрывая сиплую глотку и едва не роняя вставную челюсть на полированную панель. Помимо восьмидесяти двух членов Имперского Совета, в Зале присутствовали Канцлер Империи и глава «Ока».

Благородный Мин Чжао, седьмой принц крови Синьей, лежал, вызывающе развалившись в глубоком гравитационном кресле. Одной рукой, затянутой в широкий шелковый рукав, он лениво подпирал голову, натягивая тонкую фарфоровую кожу на остром подбородке, а другой — пытал несчастную табличку. Упрямая матовая стекляшка с гравировкой «Глава Высшей Диагностической Палаты» никак не желала балансировать на одном ребре, раз за разом со стуком падая на стол. Мин Чжао не выдержал, громко, со вкусом зевнул, сунул тонкий палец в ухо, покрутил им и зевнул еще раз.

Когда старец за трибуной наконец замолчал, Мин Чжао было улыбнулся, предвкушая свободу, и расслабленно сел ровно. Но на помост тут же, шаркая подошвами, выполз другой, не менее сухой и морщинистый синклитик.

Принц недовольно, по-стариковски прокряхтел: «Ах ты чёрт старый, чтоб тебя пополам переломало». Прямо в кресле он сбросил с ног легкие туфли и поджал босые ноги под себя, завернувшись в полы дорогого ханьфу. Снова опустившись на локоть, он ловко выудил из широкого рукава голографический планшет. Положив его на колени, покусывая нижнюю губу, Мин Чжао принялся с упоением рассматривать мерцающие трехмерные карточки лучших куртизанок Третьей Палубы.

— Да-да! — бросал он невпопад, совершенно не поднимая головы, когда очередные ораторы пафосно апеллировали к Высшей Диагностической Палате. — Именно так. Абсолютно согласен.

— Давайте же спросим самого главу Диагностической Палаты, господи! — долетел вдруг до ушей Мин Чжао резкий и неожиданно энергичный голос.

Принц мгновенно выпрямился, единым мимолетным касанием свернув планшет в рукав, и заспанными глазами стал разглядывать спикера за кафедрой. Строгий антрацитовый китель с вызывающей россыпью из сорока одной серебряной звездочки на левом рукаве сразу выдал Министра Атмосферного Попечения — человека, державшего в руках вентили от всех легких Империи. Мин Чжао слегка нахмурился, лениво пытаясь нащупать нить ускользающего разговора.

— Вы ведь были одним из первых, кто шесть лет назад безоговорочно поддержал инициативу Ее Величества Императрицы Жоу Ган по жёсткому контролю мигрантов? — Министр буквально исходил ядом, чеканя слова в микрофон. — И вот к какому кошмару это привело! На сегодняшний день вся Вторая Палуба окончательно погрязла в расизме и ксенофобии!

— Вы с ума сошли, Янь! — послышался возмущенный выкрик из средних рядов, тихий, не поддерживаемый общими микрофонными установками. — Императрица Жоу Ган вложила много сил в спасительный проект «Стального Жгута»! Вы не имеете права теперь, спустя шесть лет, говорить о неправоте её действий!

— Нет уж, извините! — Министр резко обернулся на крик. — У меня есть глаза, у меня есть цифры, и у меня есть множественные отчёты СИБ о непрекращающихся беспорядках на Второй Палубе!

— Это уму не постижимо! — взорвался другой угол зала. — Вы забыли? Вы забыли черные дни Кризиса 416 года?! Когда эти несчастные, озлобленные мигранты с разваливающихся, гниющих Ковчегов устроили кровавые бунты на наших палубах?!

В зале поднялся шквал голосов. Память о 416 годе до сих пор отзывалась у синклитиков фантомной болью. Тогда, шесть лет назад, человечество осознало: гордые проекты других земных альянсов — американские, европейские, индийские исполинские корабли, не выдержали испытания бесконечностью. Их техника сгнила, их реакторы погасли один за другим, превращая летающие города в ледяные братские могилы. Синьбой приняла последних выживших, затянув их в свои палубы. И теперь Шэньчжоу летел в абсолютной неизвестности, единственный, последний уцелевший Ковчег со всей человеческой цивилизацией на борту.

— Так спросите принца! — выкрикнул кто-то из ложи. — Мин Чжао лично там был, он всё видел своими глазами и сам предложил многие жесткие инициативы!

— Хорошо! Ваше Высочество, будьте так добры — испуганно залепетал робкий голос из дальнего угла Синклита.

— Значит так! — грозно рявкнул Министр Атмосферного Попечения, перебивая всех. — Лебезить перед титулами я здесь не позволю! Мы находимся во Дворце Равновесия, господи, и Мин Чжао, наш великий принц крови, в этих стенах — всего лишь подотчетный Глава ВДП. Мин Чжао, будьте добры, объяснитесь перед Советом. Как вы сегодня, глядя нам в глаза, оправдываете свои преступные, жестокие действия шестилетней давности?!

Мин Чжао окончательно проснулся. Сонная дымка слетела с лица, обнажив хищный, породистый оскал. Он неторопливо поднялся, картинно почесал рыжий затылок и, наклонившись к тяжелому микрофону, заговорил. Голос его, мягкий и бархатный, разнесся по притихшему залу.

— «Всего лишь глава ВДП», да? Слышать подобные речи из уст Министра Яня уморительно. Какая короткая у вас память, милейший. Твой прямой предок, Лун Фэй, был родным внуком Императора. А ты, несчастный, спустя всего три поколения, лишен всех прав Императорского клана и протираешь штаны на министерском стуле. Скажи спасибо своей великой родословной и будь добр — не бреди старые раны. Мир с воцарением моей сестры Жоу Ган, изменился раз и навсегда. Ты что же, Янь хочешь вернуть нам кошмар кризиса 416 года? Хочешь снова пустить кровь по вентиляции?

Мин Чжао медленно, со значением осмотрел замерший зал, переведя взгляд на камеры Живой Летописи, транслирующие заседание на весь Ковчег.

— Знаете, господа синклитики, а ведь некоторые люди действительно не меняются. Разве не этот самый Министр Янь в тот памятный год со страху предложил просто перекрыть подачу кислорода на Второй Палубе, чтобы тихо, как крыс, усыпить бунтовщиков-мигрантов в их отсеках? И этот человек сегодня смеет заикаться о гуманизме? Какое лицемерие. Какая дешевая драма. В Нижнем Хае про таких, как вы, Янь, поют очень точную песню:

*«Шлюха в парче — всё та же шлюха,
Хоть бриллиант засунь ей в ухо.»*

Зал Синклита на секунду онемел, а затем предсказуемо разразился громом глухого, сдавленного смеха, который тут же затих.

Принц Мин Чжао широко, ослепительно улыбнулся, повернулся лицом к объективу камеры Вечной Летописи, весело показал «мир» двумя пальцами и, даже не обуваясь, прямо в белоснежных шелковых носках, ленивой, царственной походкой вышел из душного зала.

***

Высшая Диагностическая Палата приветствовала своего властителя со всей должной преданностью.

Когда в дверях появился принц Мин Чжао, облаченный в свой излюбленный, небрежный оверсайз ханьфу штормовых цветов с тускло мерцающими вышитыми силуэтами имперских

драконов, кабинеты Тайной Канцелярии, до этого пребывавшие в анабиозе, вдруг разом ожили. Пространство наполнилось цветом. Принц шел, лениво покачивая в длинных пальцах тонкий багровый мундштук, из которого струился горьковатый, пахнущий гвоздикой дым. Этот аромат мгновенно вытеснял из коридоров казенную затхлость.

Войдя в свой личный кабинет после бесконечного, выпившего все силы дня в душном Синклите, Мин Чжао грохнулся в глубокое кресло-качалку. На мгновение он прикрыл глаза, чувствуя, как ноют виски от стариковских криков во Дворце Равновесия.

Он открыл глаза и бросил короткий взгляд в самый дальний, погруженный в густую тень угол комнаты. Там, перед высокой металлической конторкой, неподвижно стоял молодой человек в невзрачном коричневом танчжуане. Он казался почти невидимкой, естественным и логичным продолжением массивного дубового шкафа с бумажными книгами. Человек мерно, с гипнотической монотонностью перекладывал бумажки из одной папки в две другие. Это шуршание в абсолютной тишине кабинета задавало ритм всей работе Канцелярии.

Это был второй по значимости человек во всей Высшей Диагностической Палате — правая рука самого принца, его личный помощник и заместитель, которого Мин Чжао ласково, по-семейному прозвал «Чернилкой» (Мо-Мо).

Этот тихий, исполнительный юноша оставался его единственной искренней отдушиной в жестоком, алчном мире Имперской дворцовой жизни.

Чернилка отложил бумаги и почтено, глубоко поклонился. Его лицо оставалось чистым, гладким и абсолютно безэмоциональным. Станным, почти сверхъестественным образом профессия тайного сыщика не осквернила этот фарфоровый лик.

Тайная Канцелярия Империи, носящая обманчиво-медицинское, стерильное название «Высшая Диагностическая Палата», была, пожалуй, самым зловещим и странным местом во всей Синьуй. Это было единственное ведомство в государстве, принципиально и жестко не признающее высоких технологий. Здесь невозможно было найти голографических проекторов, мерцающих экранов или каналов связи посредством вживленных нейро-протезов. ВДП, или, как его называли в народе, «Око», демонстративно не полагалась даже на объективы вездесущих объективов Живой Летописи, кои по всей Империи исчислялись сотнями миллионов.

«Все что видно на камере — работа судов и гвардейцев. А мы знаем то, чего не видит сама Живая Летопись» — объяснялся Мин Чжао.

Именно поэтому «Око» веками развивалось как невидимая сеть живых людей, которые замечали всё, помнили всё и слышали каждый вздох даже там, где ты меньше всего ожидал встретить свидетеля. Это был самый эффективный и безжалостный инструмент контрразведки, а его полевые агенты поэтично звались «птицами».

— Что там у нас на повестке, Мо-Мо? — глухо спросил принц, сводя брови домиком и заранее готовясь к изнурительному ночному труду.

Чернилка наконец нарушил свою привычную сухую мину, словно едва заметная трещина пробежала по керамическому блеску его идеальной маски. Он хитро, понимающе улыбнулся одной стороной губ и тихо ответил:

— Тяньшу Чжифу, Ваше Высочество.

Мин Чжао страдальчески закатил глаза и откинул голову на кожаный подголовник. Тяньшу Чжифу — так называлось грандиозное благотворительное общество, с помпой учрежденное вторым великим принцем крови, а по совместительству — одним из самых заносчивых старших братьев Мин Чжао.

— Вот скажи мне, Мо-Мо, за какие такие грехи мне всё это, а? — жалобно, почти по-детски спросил принц, не ожидая услышать ответа.

— Наша служба и опасна, и трудна, Ваше Высочество, — мягко улыбнулся Мо-Мо.

Он бесшумно, словно соткавшись из воздуха, приблизился к креслу и поставил на лакированный письменный стол принца легкий металлический поднос. На нем стоял запотевший

стакан ледяной воды и лежал небольшой, тускло поблескивающий блистер. Мин Чжао привычным, отточенным движением длинного ногтя выдавил идеально круглую, тяжелую белую таблетку прямо себе в ладонь и резким жестом закинул её в рот. Когда за сухой таблеткой последовал глоток холодной воды, принц снова посмотрел на своего помощника уже едва заметно расширившимися, темными зрачками.

— Пока мой дорогой братец тешит свое безмерное самолюбие перед объективами Живой Летописи, публично перерезая ленточки и демонстративно посещая лицейские соревнования, мы с тобой здесь заживо гнием, спя по четыре часа в сутки, — проворчал Мин Чжао, чувствуя, как химия начинает проникать в кровь. — Вот где справедливость?

— Для меня огромная честь служить в столь уникальной структуре, как Высшая Диагностическая Палата, Ваше Высочество, — ровно, с абсолютной убежденностью отозвался Чернилка. — Мы не обязаны оглядываться на капризы Синклита, мы не подлежим бездушному технократическому аудиту Исполнительной Ветви. ВДП эффективно функционирует внутри Монархической Ветви, покойно и надежно расположившись под крылом Ее Императорского Величества. Мы — единственный орган, подчиненный лично монарху. И я искренне рад нести эту службу под вашим началом.

Мо-Мо бросил мимолетный взгляд на опустевший серебристый блистер, где чернела строгая фирменная надпись фабрик Второй Палубы: «Кофеин-тегус, Индекс 41». Затем он плавно поклонился и удалился вместе с подносом обратно в тень шкафов.

Удар стимулятора был точным и чистым. Мозг принца в одно мгновение обновился пугающей, хрустальной ясностью, полностью абстрагируясь от душных, потных воспоминаний о дневном заседании Синклита. Начинаясь подлинная, скрытая от мира канцелярская ночная работа.

Мин Чжао резким жестом раскрыл лежащую перед ним папку, на плотной обложке которой гордо красовался рельефный фамильный герб Императорского клана и каллиграфическое имя принца Тянь Шу. Расследования ВДП в отношении членов правящей семьи всегда требовали особых, деликатных протоколов и личных подписей Императрицы. Мо-Мо, как всегда, любезно и безупречно позаботился обо всех формальностях, подготовив бумаги для комфортной работы. Мин Чжао оставалось лишь внимательно просмотреть сухие, скучные отчеты Службы Имперской Безопасности.

Однако сегодня, казалось, все обстоятельства этого мира противились тайному сыску.

Не успел принц перевернуть и трех страниц, как Чернилка, стремительно вернувшись из приемной, ошаршил Мин Чжао экстренным донесением.

— Ваше Высочество, прервитесь. Ее Императорское Величество жаждет видеть вас незамедлительно на приватную беседу, за чашечкой чая. Она требует, чтобы вы прибыли прямо сейчас.

Мин Чжао, грязно и тихо чертыхаясь сквозь зубы, с досадой затушил едва раскуренную сигарету в костяном гнезде мундштука. С силой, похожей на выстрел, он захлопнул папку с делом брата и, на ходу оправляя полы штормового ханьфу, поспешил прочь из кабинета — на аудиенцию к Владычице Дракона.

***

Тронный Зал каждый раз по-новому поражал своим безжалостным, подавляющим величием. Огромные, уходящие в непроглядную темноту десятиметровые потолки подпирались толстыми металлическими колоннами, которые тускло переливались в теплом свете из окна. Поодаль, на возвышении мощного помоста, высился легендарный Вольфрамовый Трон. Этот многотонный монолит был символом незыблемости имперской власти, такой же прочной и вечной, как сама вольфрамовая сталь. Он и его массивный постамент являлись физическим продолжением пола, единым целым со шпангоутами Ковчега. Это наглядная демонстрация того, что монарх намертво вплавлен в суверенное тело Империи.

Позади этого жуткого символа власти располагалось титаническое панорамное окно, за которым угадывались контуры императорского балкона. Сейчас матовый, идеально отполированный пол Тронного Зала буквально горел: багровые, почти кровавые лучи заходящего электронного солнца прорезали десятиметровую толщу бронестекла и длинными, рваными полосами тянулись через весь Тронный Зал.

В передней части зала, укрывшись от давящей пустоты за небольшим изящным столиком из темного дерева, восседала она. Облаченная в тяжелое, пышное шелковое платье алого цвета, с безупречно уложенной высокой прической, скрепленной нефритовыми шпильками в виде лап дракона. Императрица Жоу Ган казалась ожившим духом этой Империи, потусторонним существом, которое высший рок принудил оберегать этого стального Дракона и его жителей, кормить их, лечить, воспитывать и, когда нужно, безжалостно пороть.

Мин Чжао неторопливо подошел к столику, на секунду растеряв свою уличную вальяжность. Он почтено, по всем канонам придворного этикета склонил голову, а затем с тихим вздохом облегчения опустился на стул напротив. Его старшая сестра, Жоу Ган, мягким, на удивление домашним движением разлила горячий чай по тонким фарфоровым пиалам. Воздух между ними мгновенно наполнился блаженным ароматом жасмина.

Хотя в Синьей слово монарха юридически обладало статусом неоспоримого закона, сейчас Жоу Ган была обычной женщиной, уставшей от тяжести триллионов тонн стали и народных свар на своих плечах. Сейчас она была обычной женщиной, пьющей чай в компании любимого брата.

— Министр Янь — тот еще индюк, братец, но цитировать похабные поговорки Нижнего Хая прямо в Синклите это даже для тебя перебор, — Жоу Ган покачала головой, но в уголках ее губ заиграла нескрываемая, теплая усмешка. — Он уже накатал официальную жалобу в Аппаратный Узел Канцлера Пакса. Требуется в наказание лишить Око дотаций в этом месяце.

— Пусть пишет. Пусть старик сотрет свои корявые пальцы об экран, — Мин Чжао лениво фыркнул, изящно перехватывая багровый мундштук. — Этот маразматик окончательно забыл, где его место. У меня в ВДП на таких, как он, заведены целые шкафы. Вот я до него доберусь. К тому же, Нижний Хай — это такая же законная часть Империи, как и Священный Контур. Их быт, их мудрость — это неотъемлемая часть нашей общей культуры. Мне лично ни капли не стыдно цитировать фольклор Нижних Палуб, если этот пень зарывается и начинает считать себя ровней

— Ну хватит, Чжао.

Принц послушно притих. Он поднес к губам фарфоровую пиалу и бесшумно отхлебнул напиток.

Императрица взглянула на брата, и ее улыбка растаяла. Мин Чжао, чей мозг все еще работал на запредельных оборотах под безжалостной дозой ночного кофеина, отчетливо разглядел то, что Жоу Ган так тщательно скрывала от камер — глубокую, вековую усталость в уголках ее глаз. Это было то страшное, иссушающее утомление, которое невозможно сбросить и которое понимает лишь тот, кто вынужден ежедневно сидеть на Вольфрамовом Троне, удерживая на своих плечах равновесие сорока одного космического ковчега.

— Ладно Янь, бог с ним, он хотя бы предсказуем в своем занудстве, — тихо, почти шепотом произнесла Жоу Ган, глядя на пар, поднимающийся от чая. — Меня куда больше беспокоит то, что случилось сегодня на рассвете, Чжао. Ты ведь уже видел эту новую оду Чернильной Плесени? О нашей матушке, Чжу Ли?

Мин Чжао, сделав глубокую, размеренную затяжку гвоздичным дымом, лениво кивнул:

— Видел, Ган. Мои птицы перехватили зашифрованный сигнал в Лицейском секторе еще в три часа утра. Успели заблокировать узлы до того, как эти сопляки-студенты растащили строфы на цитаты.

— И тебе тебе не показалось это странным? — Жоу Ган тревожно нахмурилась. — Подумай сам. Этот призрак, этот проклятый Плесень, обычно пишет свои культовые оды о правителях или членах династии в их глубоком, преклонном возрасте. Тогда, когда до их физического конца остается совсем чуть-чуть. Я не суеверна, Чжао, ты меня знаешь. Но Тебе не кажется это дурным предзнаменованием?

Принц снисходительно улыбнулся, пытаясь отогнать страх сестры:

— Наша матушка здорова, бодра и, кажется, переживет нас всех, сестра. Ее хирургический скальпель до сих пор так и чекрыжит аппендиксы в имперском госпитале, ее оттуда силой не выставишь. Дай бог, ближайшие лет двадцать её рассудок и медицинские знания будут в полном порядке.

— Да, Чжао Но он никогда, слышишь? — никогда за все четыре века Летописи не писал об Императорах так рано.

— Знаешь, сестра, — Мин Чжао задумчиво покрутил мундштук в пальцах, — хоть этот мерзавец и является главной, самой болезненной занозой в заднице моего ведомства, я чисто по-человечески не могу не восхищаться его слогом. Его безупречный, тяжелый ямб У меня, признаться, мурашки так и бегали по спине, когда я читал эти строфы о встрече нашей матушки с Романовыми в Нео-Букингемском Дворце. Это было мощно. Я надеюсь, что он и обо мне когда-нибудь напишет.

— И не сомневайся, Чжао, напишет, — Жоу Ган горько, бесцветно усмехнулась и покачала головой. — Напишет, еще как. Этот чёртов поэт видит нас всех насквозь. Я не знаю, как у него это получается, из какого технического колодца или заброшенного сервисного шлюза он за нами подсматривает, но Объясни мне, как этот фантом узнал, что я в последнее время пристрастилась по ночам к засахаренной сливе? Об этой моей слабости знает только личный повар и пара служанок. А три дня назад на нижних палубах появляется эпиграмма: «О сливе в сахаре в полночной темноте». И кому надо, Чжао, те всё прекрасно поняли. Понимаешь, к чему я веду?

Мин Чжао мгновенно изменился в лице. Он аккуратно затушил сигарету и его взгляд в одно мгновение изменился. Сибаритство и фамильярность исчезли — перед Императрицей сидел Глава Высшей Диагностической Палаты.

— Если говорить абсолютно серьезно, Ган В архивах лежит сорок официальных, закрытых расследований. Сорок раз, Ган! Сорок раз мои предшественники с гордостью рапортовали на Трон, что Чернильная Плесень — это всего лишь группа радикальных лицеистов, или тайный заговор Синклита. Мы сорок раз до основания зачищали сервера, стирали целые информационные блоки, а через год стихи появлялись снова. Тот же безупречный ритм. Тот же почерк. Та же извращенная, меланхоличная, мрачная гениальность, что и во времена Первоначала. Он пугает меня не тем, что знает про твои ночные сливы, сестра. Он пугает меня тем, что от него нельзя избавиться Плесень всегда проступает сквозь обшивку, как бы усердно мы её ни вытравливали.

В какой-то момент разговора они незаметно поднялись и вышли через распахнутые створки окна на императорский балкон.

Отсюда, с головокружительной высоты, открывался безумный, захватывающий дух вид на бескрайнюю ночную столицу. Мин Чжао оперся руками о холодные титановые перила, всматриваясь в раскинувшееся внизу море огней, и в глубине души все еще не мог до конца поверить, что эта титаническая махина — триллионы тонн вольфрама, стали и переработанного пластика, их огромный космический континент — это реальность.

Он ведь родился здесь, на борту Шэньчжоу. Его родители, его деды и прадеды рождались, любили и умирали здесь, внутри этой замкнутой железной утробы на протяжении четырехсот долгих лет. Эта некогда безумная, отчаянная задумка человечества, погибающего на старой Земле в удушливом дыму, токсичном смоге и тонущего в собственных нечистотах, была пре-

творена в жизнь в конце 29-го века. Тогда легендарный Император-Основатель построил этот ковчег, названный «Священным Кораблем» — Шэньчжоу, основал на миллионах квадратных километров его палуб полноценную, жесткую цивилизацию и написал Кодекс Первоначала.

И вот теперь, спустя четыре века безумного транзита сквозь пустоту, вся полнота власти над этой бороздящей холодный космос стальной стихией пала на хрупкие плечи его старшей сестры. А сам он, Мин Чжао — лишь временное обстоятельство, переменная, которая однажды послушно закончит свою жизнь, насыщенную дворцовыми интригами, цинизмом и развлечениями на Третьей Палубе. Они с сестрой уйдут из жизни, оставаясь лишь на страницах исторических справочников В отличие от Дракона Шэньчжоу, который продолжит нести свою страшную, спасительную службу еще многие и многие века, несмотря ни на что.

Интермедия 2

401 год Эры Исхода

Профессор Корсарин молча выслушал последние, затихающие в коридорах сигналы сирены, извещающие о начале занятий. А затем медленно, с легким прищуром обвел взглядом притихшую аудиторию.

— Ну что же, господа мыслители, — Корсарин прервал молчание, мягко опустив ладони на полированную поверхность кафедры. — Я внимательно читал ваши сетевые черновики. И, признаться, остался в некотором унынии. Большинство из вас предсказуемо скатилось в банальное, серое оправдание так называемой государственной целесообразности. Вы защищали систему просто потому, что она победила. Но один текст один текст заставил меня отложить в сторону чашку чая и по-настоящему задуматься. Господин Куй Син, прошу вас к доске. Прочтите нам свою работу. И, ради всего святого, не бубните под нос, как на экзамене по навигации. Вдохните жизнь в свои пятьсот слов.

Высокий, с ровной, как арматура спиной лицеист неловко поднялся со своего места, судорожно сжимая в пальцах матовый голографический планшет. Он медленно вышел на середину, к сенсорной доске, тихо откашлялся и, бросив быстрый, ищущий взгляд на замершего у стены профессора, начал читать. Его голос, поначалу глуховатый и неуверенный, удивительно быстро набрал ту особую, искреннюю плотность, которую Корсарин ценил в людях превыше всего.

«Анатомия расколотого нефрита: почему мир до Исхода не принял правду Юй Линь?»

«Правда Второго Титана Империи, принцессы Юй Линь, была слишком чистой, слишком абсолютной для прагматичного, шестереночного мира на планете Земля. Когда в 2250 году, в день двухсотлетия государства, хозяйка Желтой Бездны подняла бунт, она апеллировала к первородной свободе, к праву человека быть личностью, а не безликим элементом государственного механизма. Но парадокс и трагедия Юй Линь заключались в том, что Минсин — это не просто политический режим»

Куй Син читал спокойно и уверенно. От его недавней лицейской неловкости не осталось и следа. Строчки текли ровно, препарируя историю доисходной Империи с пугающим чувством времени и человеческой психологии. Он говорил о «вольфрамовой клетке» империи, о жестком Кодексе меритократии и о том, почему обыватели всегда выбирают предсказуемую тяжесть стального доспеха Юэ Цзя, а не обжигающую стужу Бездны. Когда он дошел до финала, его голос опустился до едва слышного, но отчетливого шепота:

«в мире карающей стали и безупречных расчетов поэзия бунта всегда проигрывает прозе порядка. Ледящийся Нефрит разбился, оставив Минсин в жестких, но спасительных объятиях Алой Императрицы».

Куй Син опустил планшет. В аудитории повисла тишина.

Профессор Корсарин медленно, нарушая оцепенение, заплодировал. Его ладони издавали сухие, редкие, но веские хлопки.

— Bravo, господин Куй Син. Вы не просто пересказали события, вы заглянули в самую суть исторического краха. «Поэзия бунта проигрывает прозе порядка» — чертовски хорошо сказано, я бы сам лучше не сформулировал. Садитесь, высший балл.

Профессор снова вышел в центр амфитеатра, и его глаза весело и лукаво блеснули:

— Ну что, господа лицеисты, кто готов оспорить тезисы господина Куя Сина, или Алая Императрица подчинила себе и ваши молодые умы? Кто рискнет защитить Юй Линь?

На самом дальнем ряду, у самой стены, главный бунтарь лица пафосно, подчеркнуто резко вскинул руку.

— Разве мы обязаны соглашаться с решением Алой Императрицы просто потому, что она так авторитетна и уважаема? — в голосе Лиамы звенел чистый, неразбавленный юношеский максимализм. — Я не считаю, что смертная казнь, а тем более, публичная, варварская казнь великой принцессы крови — это допустимая практика в двадцать третьем веке. Хорошо, что мы живем в цивилизованном, демократичном и миролюбивом времени. Лично я бы никогда не поступил так, как Юэ Цзя.

Куй Син обернулся и улыбнулся — медленно, чуть прищурив глаза, с той самой тонкой, слегка покровительской миной, которую все они ежедневно наблюдали у самого профессора Корсарина. Он не стал оправдываться, а тем более спорить. Он лишь мягко, аккуратно опустил планшет на колени, словно приглашал заносчивого оппонента к шахматной доске, где сокрушительный мат уже был поставлен три хода назад.

— Твоя гуманность делает тебе честь, Лиам, — негромко, но отчетливо произнес Куй Син, и его юношеский голос зазвучал в притихшем классе достаточно веско. — Мы действительно до неприличия избалованы сытым, стерильным покоем нашего миролюбивого века. Но твоя главная ошибка в том, что ты пытаешься примерить мягкие бархатные перчатки современности на железные кулаки сурового двадцать третьего столетия. И, что еще хуже, Лиам, ты фатально недооцениваешь саму Юй Линь.

Он плавно поднялся со своего места и сделал один короткий шаг в сторону притихшего бунтаря, чеканя каждое слово:

— Решение на площади Очищения не было актом слепой, маниакальной жестокости. Это был страшный, выходящий за рамки любых юридических протоколов, но единственно верный выбор. Сама Юй Линь в своей манифестарной речи ясно дала миру понять: на свете нет силы, способной согнуть её мощный нефритовый хребет. Она была истинным титаном. А титаны, как известно из истории, не поддаются перевоспитанию. Алая Императрица понимала это лучше, чем кто-либо другой. Оставить Юй Линь в живых, запереть её обратно в подводные казематы, сослать под конвоем на дальние провинции — что бы это значило для Империи?

Куй Син медленно обвел притихшую аудиторию серьезным взглядом.

— Это значило бы обречь всю Империю на вечную паранойю. На существование в постоянном, неизбежном ожидании нового, еще более кровавого заговора. Ведь «нефрит никогда не гнется», Лиам. Юй Линь никогда бы не смирилась, не раскаялась в содеянном и не отступила. Её лед растаял бы только вместе с её сердцем. Юэ Цзя не тешила себя глупыми иллюзиями. Она прекрасно знала: перед ней стоит чудовищная, абсолютно равная ей по силе угроза, которую невозможно укротить. Её можно было только выжечь, только уничтожить. Только глубокий посчитает, что казнь на площади была личной мстостью жестокой сестры.

Куй Син замолчал и спокойно сел на свое место.

Лиам, всё еще державший руку полуподнятой, медленно, растерянно опустил её, но на его побледневшем лице всё еще читалось упрямое, мальчишеское несогласие.

Профессор Корсарин, до этого самого момента неподвижно стоявший у окна с каменным лицом, вдруг просиял. На его губах заиграла довольная улыбка наставника, чей лучший ученик только что превзошел все мыслимые ожидания. Ответ Куй Сина попал в раскаленное ядро исторической сути.

Корсарин молча, неторопливо полез в глубокий карман своего льняного танчжуана, нащупал там маленький пластиковый пульт и незаметно, одним коротким движением пальца, нажал на сенсорную клавишу.

В ту же секунду янтарный свет в аудитории мгновенно померк. Огромный проекционный экран за спиной профессора вспыхнул, и на нем в полный рост, соткавшись из миллионов спящих лазерных пикселей, появилось архивное, панорамное изображение.

Это была Алая Императрица Юэ Цзя.

Она смотрела прямо на класс с высоты своего Вольфрамового трона. Закованная в тяжелую, матовую, броню боевого доспеха, с лицом, словно высеченным из холодного мрамора. С махагоновыми, мертвыми глазами рожденного для убийства хищника. Она была самой богицей Ананке, сошедшей со страниц древних, докосмических хроник. Её взгляд, зафиксированный когда-то старой, несовершенной оптикой, обладал гипнотическим эффектом: казалось, она смотрела лично на каждого в этой аудитории.

Лиам на дальнем ряду, мгновенно выпрямился, словно его насквозь ударило электрическим током. Вся его напускная, протестная лицейская важность слетела в одно мгновение. Он был не в силах отвести округлившихся глаз от этого жуткого, подавляющего человеческую волю величия. По классу пробежал восторженный трепет — тот самый, который когда-то, тысячи лет назад, заставлял падать ниц целые министерства и небесные флоты.

Профессор Корсарин сделал размашистый шаг вперед, заложив руки за спину, и его громовой, раскатистый театральный хохот безжалостно разорвал удушьющее оцепенение аудитории.

— А ты бы задал ей тот же самый вопрос, Лиам? Глядя прямо в эти глаза Императрицы, рискнул бы критиковать ее решение? — сквозь искренний смех спросил Корсарин, с нескрываемым, чисто педагогическим наслаждением разглядывая лицо лицейского бунтаря. — Тот и оно, мой дорогой юный друг! Рассуждать о высшем гуманизме удивительно легко, когда перед тобой на парте сидит тихий, безобидный Куй Син с планшетом. Но история Империи, запомните это, писалась и выжигалась теми, от чьего случайного взгляда у взрослых, закаленных мужчин сопряжение в нейро-узлах плавилось от первобытного страха. На сегодня всё, господа! Бегите, пока Алая Императрица лично не лишила вас стипендии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.